

УДК 930.1+94(497.4)"1812"
Код ВАК 5.6.2

Л. И. Агронов

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ
СЛОВЕНЦА – ВОСПОМИНАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРА
НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ АНДРЕЯ ПАЙКА**

В статье проанализирован уникальный источник о Русской кампании Наполеона – воспоминания словенца Андрея Пайка, сержанта Иллирийского полка Великой армии 1812 г. Рассмотрена историография истории словенцев и словенских земель в контексте событий 1812 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; наполеоновские войны; мемуаристика; воспоминания; Иллирийские провинции; Словения; словенцы; историография

Сведения об авторе: Агронов Лев Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей-панорама «Бородинская битва»; 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский пр-т, 38, стр. 1; agronovLI@culture.mos.ru

Lev I. Agronov

**SLOVENIAN VIEW OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 –
THE MEMOIRES OF ANDREJ PAJK A NON-COMMISSIONED
OFFICER OF THE ILLYRIAN REGIMENT
OF NAPOLEON’S ARMY OF 1812**

The article gives an insight on a unique source about the Russian campaign of Napoleon – the memoirs of a Slovenian Andrej Pajk, a sergeant of the Illyrian Regiment of Napoleon’s Army of 1812. The article analyzes the historiography of the history of Slovenian territories and Slovenians under the context of the events of 1812.

Keywords: Patriotic War of 1812; Napoleonic Wars; memoirs; recollections; Illyrian provinces; Slovenia; Slovenes; historiography

About the author: Agronov Lev Igorevich, Candidate of History, Senior Researcher, Museum-panorama “The Battle of Borodino”, Russia, Moscow

В необъятной историографии наполеоновских войн история балканских народов, оказавшихся втянутыми в конфликт великих держав 1812 г., не часто привлекала внимание исследователей, ещё реже об-

ращались к истории словенцев в контексте событий 1812 года. Тем не менее на Западе вышли солидные исследования с общим обзором истории Иллирийских провинций 1809–1813 гг., истории экономики и администрации региона [Notice sur la Croatie 1848; Pisani 1893; Pivec-Stelè 1930; Bundy 1966], изданы основательные сборники тематических материалов и источников, в том числе отражающих словенский опыт пребывания в составе Иллирийских провинций в эпоху Наполеона [Zemljevid Ilirskih provinc 2012; Les Provinces illyriennes 2015; Les Provinces illyriennes URL]. История Иллирийских провинций в период французского господства отражена в воспоминаниях маршала О.-Ф.-Л. Мармона, носившего характерный балканский титул герцога Рагузского¹ [Marmont 1857], и Ж. Фуше [Fouché 1824], которые, в частности, были генерал-губернаторами Иллирийских провинций в 1809–1811 г. и 1813 г. соответственно.

Интерес зарубежных исследователей к теме Балкан в период наполеоновского правления возрос в связи с 200-летним юбилеем образования Иллирийских провинций и усилением процессов европейской интеграции. В 2008 г. французский Институт Наполеона при поддержке посольства Словении опубликовал перевод мемуаров словенского ветерана наполеоновских войн Андрея Пайка, во многом «открыв» источник для не словенской аудитории [Pajk 2008], на источник стали ссылаться французские историки.

В России тема Балкан и словенских земель в частности в контексте событий 1812 г. разработана гораздо хуже. В рамках изучения Отечественной войны 1812 г. наши историки рассматривали исключительно дипломатическую борьбу России и наполеоновской Франции на Балканах, а также планы так называемой Адриатической экспедиции 1812 г. (Далматинский или Балканский проект), при планировании которой словенские земли рассматривались как один из предполагаемых маршрутов движения русских и вспомогательных войск; важнейшей частью плана было массовое привлечение балканских славян на сторону России [Попов 1892–1893; Внешняя политика России 1962: 419 и др.; Казаков 1962; Отечественная война 2004: 221; Отечественная война 2012: 556–557]. В контексте балканской тематики представляет интерес основательная статья М. К. Чинякова о Далматинской кампании 1806–1807 гг. [Чиняков 2015]. В отечественной историографии международных отношений эпохи 1812 г. помимо детально изученных русско-французских отношений имеются также фундаментальные исследования скандинавского направления международных отношений 1805–1815 гг. [Рогинский 1978; Рогинский 2002; Рогинский 2012], российско-британских связей эпохи [Орлов 2005], германского направления внешней политики Российской империи [Искуль 2007],

---

¹ Рагузой французы именовали хорватский Дубровник.

специальное исследование посвящено польскому вопросу в период наполеоновской Империи [Федосова 1980]. Проблемы русско-австрийских отношений в контексте Отечественной войны 1812 г. были подробно изучены Н. Б. Крыловой [Крылова 2002]. Институт славяноведения РАН совместно с венгерскими историками издал интересный сборник, представляющий венгерский взгляд на события наполеоновских войн [Российская империя и монархия Габсбургов 2014]. Однако балканское направление у отечественных специалистов по эпохе наполеоновских войн не стало объектом детального изучения. Экономическое положение Иллирийских провинций при Наполеоне кратко затронул Е. В. Тарле в рамках капитального труда «Континентальная блокада» [Тарле. Континентальная блокада 1958: 335–339 и др.], к которому тесно примыкает его исследование «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I», где Тарле также косвенно затрагивал отдельные экономические вопросы, связанные с Иллирийскими провинциями и территориями компактного проживания словенцев [Тарле. Экономическая жизнь королевства Италии 1958]. Действия российского флота на Балканах в рамках экспедиции эскадры Д. Н. Сенявина 1806–1809 гг. были рассмотрены Е. В. Тарле [Тарле 1956] (с предельной идеализацией действий России), а также А. Л. Шапиро [Шапиро 1958].

В отечественной балканистике особое внимание авторы уделяли истории Восточного вопроса, то есть темам, связанным с проблемой черноморских проливов и европейских владений Османской Империи, русско-сербским отношениям [Достян 1972; Первое сербское восстание 1980; Первое сербское восстание 1983; Россия и Балканы 1995], а находившиеся под австрийским управлением словенские земли в основном выпадали из поля зрения исследователей. В 1997 г. Институт славяноведения и балканистики издал близкий к нашей теме сборник статей «Александр I, Наполеон и Балканы», однако словенцы в нём были обойдены вниманием [Балканские исследования 1997].

Историю словенцев в период наполеоновских войн и Русского похода в той или иной степени затрагивали в рамках фундаментальных обобщающих работ о юго-западном славянстве [Берзин 1879], истории литературы и культуры юго-западных славян [Кулаковский 1894; Ягич 1910; История литератур 1997; История культур 2005], комплексном исследовании истории национально-освободительного движения народов Австрийской империи в первую половину XIX в. [Освободительные движения народов 1980: 205 – 212 и др.] и общей истории Словении [Кирилина, Пилько, Чуркина 2011]. Наиболее обстоятельно тема Словении в эпоху 1812 года, а также русско-словенских связей была рассмотрена ведущим советским и российским словенистом И. В. Чуркиной в созданных на богатой источниковой базе монографиях и статьях [Чуркина 1978; Чуркина 1986; Чурки-

на 1999; Чуркина 2016; Чуркина 2017]. Она же выступила ответственным редактором фундаментального сборника документов о русско-словенских отношениях [Русско-словенские отношения 2010], редактором сборника статей по истории русско-словенских отношений, где также были представлены материалы словенских исследователей [Slovenica 2011], автором значительной части монографии по истории Словении, написанной в соавторстве с её ученицами [Кирилина, Пилько, Чуркина 2011: 5–160, 197–238].

Из отечественных источников, имеющих отношение к Словении и словенцам эпохи 1812 года, стоит отметить мемуары Я. И. Старкова об участии их в Итальянском походе Суворова 1799 г., когда русские войска проходили через словенские земли, и россияне впервые массово контактировали со словенцами [Старков 1844; Старков 1847]; мемуары флотского офицера эскадры Д. Н. Сенявина В. Б. Броневского о кампании на Средиземном море, где представлено описание опыта общения со словенцами в 1810 г. и общее описание словенских земель [Броневский 1818]. Уникальный опыт эскадры Д. Н. Сенявина 1806–1809 гг., затрагивающий балканскую тематику, был также отражен в воспоминаниях офицеров флота П. Свинына [Свиньин 1818], Г. В. Мельникова [Мельников 1872] и П. Панафидина (мемуары последнего написаны на основе дневника) [Панафидин 1916]. В 2010 г. вышла фундаментальная российско-словенская публикация документов о русско-словенских отношениях, где в частности были представлены материалы 1797–1799 гг. первой словенской газеты «Люблянские новости», где речь шла о русских, а также описание словенских земель 1810 г. упомянутого ранее В. Б. Броневского [Русско-словенские отношения 2010: 78–90]. Материал о планируемой Адриатической или Балканской экспедиции 1812 г. представлен в записках адмирала П. В. Чичагова, наиболее полное издание которых вышло в 2023 г. [Чичагов 2023]. Один из крупнейших славяноведов И. Ягич, много лет работавший в России, в 1885 г. и 1897 г. опубликовал в оригинале (на словенском и немецком языках) переписку виднейших деятелей словенской культуры и славяноведения начала XIX в., где в том числе оказалась отражена реакция на события войны 1812 года [Ягич 1885; Ягич 1897].

В историографии наполеоновских войн и кампании 1812 г. в частности тема балканских славян на службе Великой армии была рассмотрена П. Боппом [Ворре 1900], однако он не затронул интересующие нас словенские земли. Общие сведения о войсках из Иллирийских провинций на службе Наполеону приведены в брошюре хорватских исследователей В. Брнардича и Д. Павловича [Brnardič, Pavlovič 2004]. Наиболее серьезное исследование истории балканских полков в Русской кампании представил А. И. Попов в фундированной статье, фактически единственном специальном исследовании темы [Попов 2017]. Автор использовал широкую источниковую базу и в частности при-

влёк мемуары уроженца Далмации И. Симонича, в 1812 г. капитана Иллирийского полка Великой армии, а также Л. Монтиньи [Montigny 1833], французского офицера Иллирийского полка. Однако А. И. Попов, известный своим исключительно скрупулёзным отношением к источникам, упустил важнейшее для изучения темы личное свидетельство – мемуары сержанта Иллирийского полка Великой армии Андрея Пайка.

Из отечественных исследователей источник впервые упомянул П. Кулаковский в рамках фундаментального труда 1894 г. по истории иллирийской литературы. Однако автор не назвал имени мемуариста, указав на источник, скорее, как на произведение словенского писателя Й. Юрчича [Кулаковский 1894: 401–402]. В 1978 г. И. В. Чуркина кратко разобрала воспоминания А. Пайка о Русской кампании в рамках исследования русско-словенских отношений [Чуркина 1978: 57–58]. Тем не менее данный источник остаётся совершенно вне поля зрения отечественных специалистов по истории войны 1812 г. и наполеоновских войн. Не публиковался на русском языке и сколь бы то ни было подробный анализ мемуаров Пайка.

Мемуаристика наполеоновского похода на Россию чрезвычайно обширна – к настоящему времени опубликовано и выявлено около 500 дневников и мемуарных произведений представителей наполеоновской армии, где отражена тема Русской кампании.

На основании большого массива изученных нами источников, а также различных материалов справочно-библиографического учёта рассмотрим распределение дневников и мемуаров о Русской кампании представителей наполеоновской армии по странам и регионам (в порядке убывания):

Таблица 1

Страна / Регион	Уровень грамотности	Число учтённых авторов дневников и мемуаров
Германия	80% (муж.)	+190
Франция	54,3% (муж.)	+170
Польша	2% (общая)	40
Голландия	Более 70%	31
Швейцария	до 80% (муж.)	27 (18 франкофонов и 9 германофонов)
Италия	0–22%	10
Австрийская Империя	Около 20%	8 (7 немцев и 1 венгр)
Испания	До 20%	3
Португалия	3%	3
Фландрия и Валлония	30–50%	+4 (3 франкофона и 1 фламандец)
Иллирийские провинции	Около 3%	1 (словенец) + ?

Распределение сохранившихся дневников и мемуаров по национально-государственному происхождению авторов далеко не отражает чрезвычайно пёстрый в национальном отношении состав действовавшей в России армии Наполеона.

На 1812 г. Французская Империя насчитывала 42700 тыс. жителей [Exposé de la situation 1813: 3], под контролем Наполеона оказались значительные балканские территории, объединённые в так называемые Иллирийские провинции (Les Provinces illyriennes), заключавшие по французскому административному делению следующие провинции [Zemljevid Ilirskih provinc 2012: 62–75; Frasca 2009: 62–63]:

Таблица 2

Провинция	Численность населения по французским данным
Каринтия	136 660
Истрия	242 683
Карниола (Крайна)	370 340
Гражданская Кroatия	204 944
Далмация	220 090
Рагуза (Дубровник)	69 094
Военная Кroatия	250 000
ИТОГО	1 493 811

Провинции подразделялись на *дистрикты*, *кантоны* и *аррондисманы* (общины).

Здесь проживали хорваты, словенцы, сербы, черногорцы, албанцы, некоторое количество итальянцев и немцев и другие этнические группы, всего около 1500 тыс. жителей, преимущественно славяне. В 2012 г. словенские картографы издали великолепное историко-географическое описание Иллирийских провинций на основе карты 1812 г. Гаэтана Пальма [Zemljevid Ilirskih provinc 2012]. Картографическим источником для истории региона служит карта Иллирийских провинций, отпечатанная в Триесте в 1812 г. [Carte des Provinces Illyriennes URL].

В составе Иллирийских провинций оказалась огромная часть словенского населения: население Крайны состояло почти исключительно из словенцев, а Каринтия и Истрия также были территорией массового проживания словенцев. Французские власти насчитали в этих трёх провинциях около 750 тыс. жителей. Общую численность словенцев к концу XVIII в. оценивают в 900 тыс. человек, и на 1812 г. их было в пределах миллиона человек. К началу XIX в. давно лишившиеся собственной государственности этнические словенцы на протяжении длительного времени проживали на подконтрольных Австрии территориях, и единого наименования представителей словенского этноса в этот

период ещё не сложилось. Коренные словенские земли называли *Крайна* (неславяне использовали латинизированное *Карниола*), местных жителей называли «крайнцами», а словенцы, проживавшие в Штирии, Каринтии и Триесте (Истрия), называли себя «виндами» или «словенцами». Наиболее образованные представители местного общества уже осознавали единство словенского этноса, однако процесс формирования национального самосознания среди основной массы словенцев на 1812 г. был еще далёк от завершения. Интересно отметить, что столицей наполеоновских Иллирийских провинций стала словенская Любляна, именуемая на германский манер Лайбах.

С учреждением Иллирийских провинций в 1809 г. остатки служивших ранее австрийским властям местных воинских формирований стали привлекать на французскую службу [Brnardič, Pavlovič 2004] и вскоре на эти территории распространили французскую систему конскрипции. Французские власти, исходя из численности населения Иллирийских провинций в 1 500 000 человек, установили здесь норму призыва в 3 000 конскриптов в год [Frasca 2009: 62–63]. Приводимое ниже распоряжение Интенданта Карниолы (т. е. Крайны – коренной Словении) позволяет нам детальнее понять масштабы и распределение мобилизации словенского населения [Les Provinces illyriennes URL]:

Интендант Карниолы

Ввиду 1-й статьи постановления Е.[го] Свет.[лости] Монсеньера генерал-губернатора Иллирийских провинций от 6 октября 1812 г., фиксирующего в 3000 конскриптов контингент, который должны поставлять названные провинции;

Ввиду общей ведомости распределения [набора], установленного также Е.[го] Свет.[лостью] Монсеньером генерал-губернатором 6 числа настоящего месяца, фиксирующего в 1100 конскриптов контингент, поставляемый интендантством Карниолы;

Ввиду помимо прочего различных положений генеральной инструкции о конскрипции, определяющей способ распределения призываемого контингента и действия.

Постановляю:

Первая статья.

Контингент в 1100 конскриптов, предписанных интендантству Карниолы, будет распределён между тремя дистриктами, составляющими названное Интендантство, в следующей пропорции:

<i>Дистрикты</i>	<i>Контингент, предписанный каждому дистрикту</i>
<i>Адельсберг [Постояна]</i>	<i>260</i>
<i>Лайбах [Любляна]</i>	<i>317</i>
<i>Нойштадт [Ново Место]</i>	<i>523</i>
<i>ИТОГО</i>	<i>1100</i>

Таким образом, около 37% призыва пришлось на коренную Словению, а с учётом этнических словенцев, мобилизованных вне Крайны (прежде всего в Каринтии и Истрии), их общая численность в составе иллирийских частей должна быть еще больше. Наконец, помимо вновь мобилизованных часть словенцев попала в наполеоновскую армию из остатков старых австрийских частей.

Иллирийский полк Великой армии формировался в Любляне и состоял в значительной степени из словенцев, мобилизованных на территории Крайны. К июню 1812 г. в составе балканских полков Великой армии числилось 8 610 человек (часть из них иностранцы), в том числе 3 732 «кроата» (1-й и 3-й временные кроатские полки), 2 886 «иллирийцев» (Иллирийский полк) и 1 992 «далмата» (Королевский Далматский полк) [Соколов 2012: 632; Попов 2017]; более 3 тыс. из них составляли словенцы (т. е. «крайнцы» и «винды/словенцы»), мобилизованные в разных провинциях Иллирии. Для словенского общества это стало событием большого масштаба.

По данным О. Соколова, всего на территории Иллирийских провинций было мобилизовано 7 534 человек [Соколов 1999: 574], однако часть иллирийцев была привлечена на службу Франции из состава уже существовавших бывших австрийских частей.

Наполеон задействовал в Русской кампании 11 иллирийских батальонов общей численностью более 8 тыс. солдат и офицеров, немногие из которых вернулись из России. О фактическом этноконфессиональном составе данного контингента судить крайне трудно. Пленных балканских славян, оказавшихся в России по результатам Отечественной войны 1812 г., называли на французский манер **по названиям полков** «*кроатами*», «*иллирийцами*» и «*далматами*», и таковых среди военнопленных оказалось около 1,6% [Хомченко 2023]. Российские власти иногда особо выделяли «*крайнцев*», то есть словенских выходцев из Крайны. В одном из российских документов об освобождении «*военнопленных разных владений*» в январе 1814 г. указаны в частности пленные из «*Далмации, Кроации, Фриула, Каринтии, Крайна, Истрии, Триеста*». Почти все эти регионы были регионами массового проживания этнических словенцев.

Сами словенские военнослужащие 1812 г. очевидно называли себя «*крайнцами*» (официально их также могли именовать «*карниольцами*»), «*виндами*» или «*словенцами*» в зависимости от региона происхождения. В отношении их могли применяться и иные обозначения по названиям многочисленных мест их проживания.

Славяне из Иллирийских провинций резко выделялись на фоне остальных оказавшихся в России военнослужащих Великой армии, что отмечали как их тогдашние условные союзники, так и российские противники. Французский хирург императорской гвардии Доминик де ла Флиз писал о помощи раненым в Смоленской битве следующее:

«В этом месте, вероятно, происходила жестокая атака, так как тут сосредоточено было множество народа, раненого и убитого. Судя по их зелёным мундирам, я принял их за русских, особенно как увидал у них на шее медные крестики с славянской надписью. Мы подняли тех раненых, у которых проявились признаки жизни. Они обращались к нам на непонятном для нас языке. (...) Каково же было моё изумление, когда я узнал от сторожей и товарищей моих, что то были морлаки из Далмации, принадлежавшие к Итальянской армии» [Де ла Флиз 1912: 24–25]. «Морлаками» тогда в Европе называли славянское население прибрежной зоны Балканского полуострова, то есть это были уроженцы Иллирийских провинций – хорваты, черногорцы, сербы. В процитированном источнике речь очевидно идёт о солдатах Королевского Далматского полка, среди которых оказались православные славяне.

Немногочисленность иллирийских ветеранов похода 1812 года, крайне низкий уровень образования и эпистолярной культуры уроженцев Иллирийских провинций, вернувшихся после 1813 г. на многие годы в состав Австрийской Империи, отсутствие интереса местного общества к истории наполеоновской кампании в России, всё это, казалось, не оставляло шансов на создание и фиксацию «иллирийских» и в частности словенских воспоминаний о событиях 1812 г.

К началу XIX в. общий уровень грамотности словенского населения оценивают лишь в 3 % [Slovenica 2011: 183]. По воспоминаниям словенца Андрея Пайка, во время его службы в 1809–1812 гг. он был в числе единственных выходцев из Крайны, умеющих писать. Примерно такой же уровень образования был и в целом среди населения Иллирийских провинций. Российский флотский офицер В. Б. Бронеvский, значительное время проживший среди черногорцев Катарской области, приводит характерную для региона историю. Он квартировал у вдовы протопопа Петровича. Эта вдова, «принадлежа к фамилии Петровичей, пользуется уважением, имеет состояние, свой дом и за всем тем живёт весьма умеренно и уединённо. <...> Старушка отменно полюбила меня по одному случаю. Она получила письмо от сына из Смирны и с крайним нетерпением ожидала другого утра, когда на один час приходил работник для услуг, дабы послать его за попом для прочтения ей письма. Возвратясь из замка к обеду, хозяйка моя, по обыкновению матерей, выхваляла мне редкие достоинства своего сына и в доказательство, что он очень учён, подала мне его письмо. Я прочёл адрес, старушка, сплеснув руками, спросила, неужели я грамотный? И когда научился читать по-славянски? Я, не противореча в первом, развернув, прочёл ей письмо, в котором, кроме нескольких слов, почти ничего не понял. На другой день пригласила она на скромный ужин всех своих знакомых и со слезами на глазах представляла меня каждому, уверяя, что я великий человек и даже знаю грамоте!» [Бронеvский 1818: 185–186].

Территориально Иллирийские провинции, отошедшие к Австрийской Империи после падения Наполеона, в основном соответствуют австрийским владениям, именуемым Иллирия, Далмация, а также Хорватия и Славония. На 1832 учебный год в Австрийской Империи школой были охвачены менее 12% детей в Иллирии и Далмации [Girardin 1840: 241], в Хорватии и Славонии положение было лучше, однако даже в 1869 г. 74% мужчин Хорватии и Славонии оставались азбучно неграмотными [Despalatović 2009: 216].

Спасло положение движение славянского Возрождения, охватившее подконтрольные Вене балканские территории, где со второй половины XIX в. происходил стремительный рост национального самосознания славян, сопровождавшийся обращением к национальной и народной истории. Уроженец словенской деревни Мульява писатель Йосип Юрчич, ставший знаковой фигурой словенского национального движения, в 1865 г. в журнале «Словенская вечерня для уроков и досуга» опубликовал текст под заглавием «Воспоминания старого словенца или черты из моей жизни», с указанием в скобках «написал Андрей Пайк, бывший австрийский и французский воин, французский и русский военнопленный во времена Наполеона» [Pajk 1865: 3]. В тексте от первого лица была представлена бесхитростная история жизни словенского крестьянина Андрея Пайка, участника кампаний 1809–1812 гг. «Воспоминания старого словенца» многократно переиздавали в составе сочинений Йосипа Юрчича [Jurčič 1884 и др.], а также отдельными изданиями, и данный источник хорошо известен словенской аудитории [Jurčič, Pajk 2002; Slovenica 2011: 49].

Можно принять «Воспоминания старого словенца» за литературное произведение, либо за текст, подвергшийся сильной обработке со стороны прославленного словенского писателя, возможно, записанный по устным рассказам ветерана, что было в то время распространённой практикой фиксации воспоминаний простонародья. Однако в комментарии к собранию произведений Й. Юрчича 1884 г. издатель Фран Левек привёл ценнейшие сведения об источнике [Levec 1884]: другом Юрчича по гимназии был Ф. Спендал, внук ветерана наполеоновских войн Андрея Пайка, который и познакомил Юрчича, тогда ещё гимназиста, со своим разговорчивым дедом. Они неоднократно встречались и беседовали, Юрчич даже посещал Пайка в деревне Затичин. Писатель живо интересовался рассказами Пайка о его опыте участия в судьбоносных событиях начала XIX в. и попросил ветерана записать свои воспоминания, что и было сделано. Около 1865 г. А. Пайк записал свои мемуары на 121 странице в 1/8 листа на словенском языке, озаглавив рукопись по-немецки «Lebensbeschreibung des Feldwebels Andreas Pajk von Posendorf» («Жизнеописание фельдфебеля Андреаса Пайка фон Позендорфа»). Хвастливая немецкая приставка «фон По-

зендорф» (?!) к имени обычного крестьянина из крайнской деревни выглядит, конечно же, крайне наивно.

В тексте Пайк прямо указывает, что родился в 1789 г. [Pajk 1865: 3], а писал свои воспоминания «на семьдесят шестом году жизни», и писал их «всего одну зиму, потому что рука моя уже стала неловкой» [Pajk 1865: 63], то есть текст был записан зимой 1864/1865 гг. Ранее в течение многих лет общительный Пайк активно делился с окружающими своими устными воспоминаниями и, как он написал, «поскольку я люблю рассказывать о России и Наполеоне», люди стали называть его «старый русский» [Pajk 1865: 62]. Очевидно, что опыт Русской кампании и пребывания в России занимал в этих рассказах особое место. Пайк несколько раз упоминает, что в ходе наполеоновских войн вёл некий дневник. По окончании сюжета о кампании 1809 г. он напишет так: «Из всех крайнцев я был единственным, кто писал и имел дневник» [Pajk 1865: 20]. Описывая Русскую кампанию, отметит: «Мы, словенцы, прошли от Любляны до Lignevitz [?] в русской Польше сто двадцать шесть маршей, как следует из моей дневниковой записи» [Pajk 1865: 31]. Судьба его дневниковых записей не известна, но, как следует из его собственных слов, они могли у него сохраниться к моменту написания воспоминаний. На это указывает и обилие в тексте названий населённых пунктов, маршрутов движения и т. д.

Внук мемуариста Ф. Спендал, у которого хранилась оригинальная рукопись воспоминаний Пайка, предоставил её издателю Ф. Левеку. По словам последнего, Юрчич исправил имевшиеся в рукописи грамматические, а также некоторые исторические ошибки, отредактировал, переписал и отправил итоговый текст в общество святого Мохора (старейшее словенское издательство, основанное в 1851 г.), издававшее журнал «Словенская вечерня», на страницах которого в 1865 г. текст был опубликован под заглавием «Воспоминания старого словенца».

Ознакомившись с подлинной рукописью, Ф. Левек указал, что «Юрчич в “Воспоминаниях старого словенца” не добавил ничего от себя, но многое опустил; но [литературная] форма, в которой “Воспоминания” увидели свет, полностью принадлежит Юрчичу, так что “Воспоминания” можно назвать совместной работой Пайка и Юрчича. Это признал и сам Юрчич, отдав Андрею Пайку половину гонорара, присланного ему обществом святого Мохора» [Levec 1884: 295].

Более детальных сведений об источнике у нас нет, судьба оригинальной рукописи 1865 г. воспоминаний Андрея Пайка не известна. Й. Юрчич выступил исключительно в качестве литературного редактора, к сожалению, значительно сократив оригинальный текст.

По уникальному стечению обстоятельств капитан того же Иллирийского полка, что и А. Пайк, уроженец Далмации Иван Пётр Симонич был также пленён в ходе Отечественной войны, а в 1816 г. перешёл на российскую службу. Дослужившись впоследствии до генерал-

лейтенанта, он занимал ряд важных военных и дипломатических постов. Симонич происходил из древнего сербского рода и относился к наиболее образованной части балканского населения [Zora Dalmatinska 1845]. Он написал мемуары на французском языке, из которых оказались опубликованными фрагменты записок о Персидской войне 1826 г. [Щербатов 1890–1891] и воспоминания о пребывании в Персии в качестве российского полномочного министра в 1832–1838 гг. [Симонич 1967]. Личные свидетельства Симонича о 1812 годе изданы не были.

В фундаментальном исследовании иллирийской литературы П. Кулаковского указано, что «Юго-славяне, участвовавшие во французском походе на Россию в рядах армии Наполеона, принесли домой много рассказов о России (...) Известно, что в рядах соединённой европейской армии двенадцатого года было много граничар и славян из тогдашних иллирийских провинций. Некоторые из этих незатейливых рассказов впоследствии появились в пересказе иллирийских и словенских писателей в различных местных изданиях». При этом помимо свидетельства А. Пайка автор указывает на то, что «несколько рассказов этого рода помещено было в Зоре Далматинской и Данице» [Кулаковский 1894: 082], к сожалению, без уточнений. Наши поиски в указанных балканских журналах «Zora Dalmatinska» и «Даница» пока не позволили обнаружить свидетельств иллирийских ветеранов Русского похода. Таким образом, мемуары Пайка – это уникальное личное свидетельство, отразившее иллирийскую мемуаристику наполеоновского похода на Россию, и которое представляет особый интерес для российской аудитории.

Текст «Воспоминаний старого словенца» не вызывает сомнений в достоверности приводимой в нем информации и хорошо подтверждается прочими источниками. В 1889 г. в газете «Словански Свет» видный деятель словенской культуры и русофил М. Хостник, будучи на тот момент главным словенским специалистом по России, автор первого словено-русского словаря, много времени проведший в России, опубликовал достаточно негативный отзыв на «Воспоминания старого словенца» [Hostnik 1889]. Однако его оценки были почти исключительно эмоциональными и не касались фактологии. Хостник придерживался славянофильской идеологии, а статьи его были полны благородного славянского воодушевления и имели своей целью расчистить путь к сближению славянских народов [Чуркина 1978: 256–257 и др.]. Справедливо замечание Хостника в отношении слова «smirdulaka» («смирдуляка» – «воночка» по-словенски), которое в пересказе Пайка последнему дважды адресовали казаки («Vidiš, Vidiš, francoskago smirdulaka!» («Видишь, видишь французского смирдуляка!») [Pajk 1865: 41] и «Vidiš francoskago smirdulaka!» [Pajk 1865: 52]), в русском языке нет. Однако, вполне возможно, имеется в виду слово «смердюк», о котором почему-то не упомянул Хостник. Андрей Пайк владел рус-

ским сугубо на слух, разумеется, не слишком хорошо, с русскими он контактировал очень недолго и к моменту написания мемуаров прошло более полувека после описываемых событий.

Текст «Воспоминаний старого словенца» состоит из 14 выделенных Й. Юрчицем глав. Значительная часть источника посвящена формированию Иллирийского полка Великой армии, Русской кампании и периоду плена 1813–1814 гг.

Почти все сведения о А. Пайке мы узнаём из его собственных обработанных Юрчицем мемуаров: родился в 1789 г. в деревне Худо (ныне – Мало Худо)¹ на полпути между Любляной (Лайбахом) и Ново Место (Нойштадт) словенской провинции Крайна (Карниола), части Священной Римской Империи германской нации, которую с 1806 г. станут именовать Австрийской империей.

Родители Пайка были по местным крестьянским меркам достаточно обеспеченными людьми. Мальчик был первым из девяти детей в семье, и из Андрея хотели сделать «господина», а потому его отправили учиться. К началу XIX в. на территории проживания словенцев государственные гимназии существовали в частности в Любляне (Лайбахе) и Ново Место (Нойштадте) [Кирилина, Пилько, Чуркина 2011: 124], которые находились от деревни Пайка примерно на равном расстоянии – немногим более 30 км. Пайка отдали в государственную четырёхклассную школу Любляны – так называемую *нормальную школу*, каковых на словенских землях к началу века было всего четыре. Он пишет: «Однако школа, как говорится, съедает деньги, а родители не любили тратить на меня деньги. Поэтому в третьем классе мне пришлось ходить в школу босиком». Несмотря на все недостатки тогдашнего австрийского образования, «в этой школе я приобрел некоторое познания и эрудицию, получил истинную радость от учебы».

По окончании четырёхклассной школы Пайк продолжает образование и поступает в первую латинскую школу Любляны. Однако его финансовое положение становится совсем критическим, одежда его износилась, он решает перебраться из Любляны учиться в более скромное Ново Место («там мне будет лучше жить; там, конечно, не такие заносчивые и высокомерные, как в Любляне. Ново Место лучше подойдет к моей [изношенной] одежде»).

Получив рекомендации из первой латинской школы Любляны (от самого Валентина Водника – крупнейшего представителя словенской культуры той эпохи), он поступил в латинскую школу в Ново Место. Здесь он квартировал у булочника, где обучал детей чтению и письму. Из дома денег Пайк не получал, однако, благодаря урокам, у него появился некоторый достаток.

---

¹ <https://topografija.zrc-sazu.si/>

В 1809 г. началась очередная австро-французская война и австрийские власти в связи с чрезвычайными военным положением сформировали в Крайне ополчение (Ландвер), роты которого сосредотачиваются в Ново Место, и в рядах которых сплошь «добрые крайнцы». Пайка как отличника забрали в студенческий корпус, где он занимался военной подготовкой, не получая какой-либо платы, но одновременно лишившись заработка от уроков. В итоге Пайк, вопреки воле родителей, решается поступить на военную службу и обращается к батальонному адъютанту расположенного в Ново Место ландвера. Благодаря образованию (что исключительная редкость среди простых словенцев), его сразу назначают фельдфебелем 3-й роты ландвера и поручают ведение документов на солдатское снабжение. Пайку выдали новый красивый мундир, и он стал получать невиданные деньги – 29 крейцеров в день (родители за полгода прислали ему лишь пятнадцать крейцеров). Вскоре его заработок ещё больше вырос – он стал получать более гульдена в день. «Я был совершенно доволен собой и переменой в своем положении» [Pajk 1865: 7]. Однако благополучие длилось недолго.

Война докатилась до территории Крайны, роты ландвера бросают из Ново Место через Люблянну на подготовленные позиции – окопы на горе в Раздрто, где проходит удобная для обороны узкая дорога посреди гор, ведущая от Триеста на Люблянну. Начинаются бои с наступавшими французскими частями. Пайк и его расположенные в окопах товарищи были хорошо защищены и успешно оборонялись. Однако пехота в низине в конечном итоге была отброшена и окопы оказались обложены неприятелем. Ополченцы испытывали крайнюю нехватку продовольствия и воды. В итоге было принято решение о капитуляции, после которой офицеры были отпущены на свободу, а рядовых и унтер-офицеров, отняв у них ранцы, погнали в плен.

Партию пленных, в которой был Пайк, гнали по маршруту Раздрто – Мантуя – Турин – Шамбери – Лион – Бурж – Нёвер. Пленных мучала страшная жажда, завелись вши. Положение с продовольственным снабжением после Турина стало удовлетворительным, однако пленные всё время получали воду безобразного качества. В Нёвере Пайк тяжело заболел и лежал в бессмысленности, говоря на языке, который никто не понимал. Однако выжил и восстановился. Положение словенских пленных со временем стало достаточно благоприятным, поскольку их стали привлекать на работы за плату, так как уже тогда во Франции чувствовалась острая нехватка трудоспособных мужчин. Во Франции Пайк достаточно хорошо выучил французский язык, который ему ещё в дальнейшем пригодится.

По заключении мира бывших пленных австрийской армии отправляют на родину. Партия Пайка следует через Страсбург, пересекает Рейн, Вюртемберг, прибывает в Аугсбург (Бавария), откуда Пайка и

его словенских сородичей едва не отправили в Польшу, приняв за поляков. Далее Пайк прибывает в Вену и оттуда в Грац, где он получает документы на увольнение и возвращается домой.

Некоторое время он жил у родителей с восемью родными братьями и сёстрами. Вскоре он устроился на хорошую работу в Медводже (к северу от Любляны) к одному господину на французской государственной службе. К этому времени Пайк хорошо владел немецким, французским и итальянским языками. Однако благополучие снова длилось недолго.

В 1811 г. начальник Пайка, хорошо осведомлённый о планах французских властей, спросил, не хочет ли тот поступить на французскую военную службу, на что получает категорический отказ («Нет, я лучше умру, чем снова буду вылавливать вшей в чужой стране»). Начальник предупредил мемуариста: «Здесь в наших краях планируют сформировать целый французский полк, конечно, придёт и твоя очередь. Я не могу тебя спрятать, поэтому советую тебе вернуться к себе домой, где все углы тебе известны, и будет легче прятаться, если за тобой будут охотиться» [Pajk 1865: 21].

«Как молния, тайная весть распространилась среди молодых людей нашего края. Мы все советовались, куда идти и как спастись». Со всем скоро по селениям и лесам начались облавы. А. Пайк со своим братом Антоном и двумя друзьями братьями Жупанчичами две недели прятался по лесам под Стичной. Устав прятаться, и по настоянию товарищей по несчастью, Пайк посетил кабак, где заночевал с компанией. На следующее утро все они были схвачены охотниками и отправлены в Люблян и далее в Горицу, где их поместили в казарму. «Каждый день прибывали всё новые и новые люди, мои соотечественники, которых набрали и наловили по Иллирии. (...) Все были грустны и убиты, хотя множество криков и песен скрывали их истинные чувства. Как бы не печалиться человеку, если его гонят из любимой родной земли в чужую, сражаться за чужое дело!» [Pajk 1865: 23].

В Горице собрали около трёхсот новобранцев, которые подняли восстание и попытались бежать, но «лишь немногим новобранцам удалось бежать; да и тех поймали, а через два дня расстреляли, естественно, в нашем присутствии, как дезертиров и нарушителей военной присяги». Скрепя сердце, Пайк говорит себе, что «теперь пора выбросить из головы все прочие мысли и верно служить Наполеону; Бог все устроит» [Pajk 1865: 24].

Когда в Горице собрали батальон, новобранцев отправили в Пальманова, где началось обучение, далее в Виченцу, здесь назначили офицеров из французов, выдали ружья и униформу; батальон получил организацию. Пайк доложил, что служил фельдфебелем в австрийской армии, грамотный и знает французский язык, и его назначили сержантом. Под началом Пайка оказался и его родной брат Антон. Как отме-

тил капитан Пайка, «у меня в подчинении только один капрал, который умеет писать».

Обучение в Виченце продолжалось два месяца, а далее находившиеся здесь три батальона Иллирийского полка направили в Турин. Здесь к ним присоединился четвёртый батальон, и до нового года продолжалась военная подготовка. Когда Пайк и его товарищи узнают, что их отправляют в Россию, они «были опечалены этим известием».

Батальон Пайка выступает из Турина и следует к русской границе. Пайк отметил лучшую организацию маршей по сравнению с его опытом службы в австрийской армии. Каждый четвёртый день они отдыхали, до польских земель у них были хорошие квартиры и питание, местные жители их хорошо встречали. Пайк прошёл, в частности, через 35 немецких городов, в Вюрцбурге он видел маршала М. Нея, в корпус которого включили Иллирийский полк.

Когда иллирийские части вступили в Польшу, в батальон Пайка назначили нового офицера – французского капитана Ластана, с которым подружился говоривший по-французски Пайк и другие крайнцы. Способный к языкам славянин, Пайк осваивает польский: «Я снова первым заговорил на этом языке. Я не только, как славянин, быстро смирился с различиями между нашим и польским языками, но и немного научился “говорить по-польски” от своих бывших товарищей-поляков. Я видел, как быстро даже мои соотечественники понимали польские слова. Капитан Ластан подталкивал меня, когда нужно было говорить по-польски» [Pajk 1865: 30].

По мере движения на восток начинается очень плотная концентрация войск. Перед русской границей Наполеон лично провёл смотр полка, состоявшего из словенцев: «Наш полковник [Н. Шмитц, Пайк называет его Шмид] стоял перед полком. Наполеон подъехал к нему и спрашивает: “*Quel régiment?*” [Какой полк?]. “*Régiment d’Illyrie, votre majesté!*” [Иллирийский полк, ваше величество!] - отвечает полковник. Я стоял так близко, что точно видел и слышал его. Я хорошо рассмотрел его лицо и глаза, и даже сейчас, когда память подводит меня из-за возраста, я все ещё помню острый взгляд, властный голос французского императора, человека, который был моим страхом и страхом всей Европы» [Pajk 1865: 31].

Иллирийский полк в районе Ковно пересёк пограничный Неман: «На большом плато мы вышли к реке Неман. Лодки, которые шли с нами и впереди нас, сделали через реку настильный мост. Мы переходим по нему. “Бог знает, перейдем ли мы когда-нибудь эту реку обратно”, – сказал я здесь брату. “Никогда!” – отвечает брат, и действительно, бедняга больше её не перешёл. Мы были на русско-польской земле» [Pajk 1865: 32].

Иллирийский полк оставили в тылу в Ковно, ему поручили обеспечивать разгрузку и отправку грузов, прибывавших по Неману суда-

ми для нужд Великой армии. В Ковно полковник заставляет полк заниматься строевой подготовкой по два часа в день, после чего солдаты отправлялись на разгрузку, и «солдаты переносили галеты, муку, рис и т. д. с лодок на телеги и в магазин. Мне не пришлось выполнять тяжелую работу; мой добрый капитан Ластан отправил меня с четырьмя людьми на почту» [Pajk 1865: 32].

Пайк, как и ранее будучи в австрийской армии, вёл документацию, получаемую для армии, а его люди должны были сопровождать повозки, чтобы их не разграбили. 20 июля 1812 г. роте Пайка поручили перевезти 100 повозок с мукой в Вильно, один солдат сопровождал каждую повозку, запряжённую четвёркой лошадей; однако фуража не было, кроме зелёной ржи, которую срезали солдаты косами или тесакми; лошади массово погибали, а прибывшие из Пруссии гражданские погонщики бежали при любой возможности. На четвёртой станции осталось не более 30 лошадей, и командовавший ротой убедился, что до Вильно довести муку невозможно, и продал её булочнику в Эвье.

Рота прибыла в Вильно, где сосредоточился Иллирийский полк. В конце августа полк выступил и прибыл в Минск (приказ Наполеона об отправке полка в Минск был дан 24 августа 1812 г.); затем основная часть полка отправилась в Смоленск, куда прибыла 21 сентября и впоследствии погибла при отступлении. Пайку повезло – он оставался в Минске ответственным за снабжение, здесь он наблюдал казнь семейных крестьян, убивших своего помещика и его жену и сжёгших усадьбу. Жестокая сцена казни в соответствии с местными обычаями произвела на Пайка тяжёлое впечатление.

Из Минска отряд из находившихся здесь войск вместе с Пайком направили к Борису на Березину. Отряд должен был удерживать Борисовский мост. Пайк принял участие в боевых столкновениях, переполз по мосту на восточный берег и направился на дорогу, которая вела в сторону Смоленской дороги, куда стекались разрозненные отступавшие солдаты всех родов войск. У Борисова Пайк навсегда расстался с братом Антоном – из России тот не вернулся.

Через некоторое время Пайк «увидел перед собой нехарактерную для французов толпу, которая без всякого порядка бежала со стороны Смоленска. “Что это значит?” – спросили мы. Но когда мы встретили первых из них, они рассказали, что Наполеон бежал из Москвы (которую тайно сжег русский губернатор Ростопчин), и что вся армия возвращается домой от русских» [Pajk 1865: 37].

Пайк прибыл к мостам на Березине у Студенки, которые штурмовали огромные массы людей: «Какое ужасное зрелище! Поручни на мосту были уже отломаны, многих людей сбросило с моста в глубокую воду. Люди и лошади бились в воде, замерзая насмерть в волнах; немногие выплыли из тех, кто уже упал или кто, не раздумывая, бросился в воду, так как не мог перейти мост. “Если здесь так много наро-

ду, я никогда не доберусь до моста”, – сказал я себе, пытаюсь встать в очередь сбоку. (...) Сколько я видел застрявшими под ногами других, чтобы никогда больше не подняться. Лошади и люди мчались вперед; смерть наступала того, кто попадал под ноги. (...) Два дня я прождал у моста в холоде и голоде, ничего не добившись. Все это время мост был так переполнен, что ни один ребенок не смог бы подняться на него. Тысячи и тысячи людей были поглощены Березиной. На третий день я сказал: “Или я умру, или перейду через реку”» [Pajk 1865: 38–39].

«Когда человеку грозит неминуемая смерть, его перестают жалеть. Я убедился в этом на собственном опыте, когда целый день рыдал и умолял пропустить меня в очередь на мост. Я умолял на французском, на немецком, на славянском, на всех языках, причем без результата. Ближе к вечеру среди толпы появился молодой прусский лейтенант. Я обращаюсь к нему по-немецки и прошу, Христа ради, придержать лошадь ровно настолько, чтобы я мог вклиниться плечами в поток и таким образом добраться до моста. И о чудо, молодой человек сжалился надо мной, придержал лошадь на свой страх и риск, я оказался в толпе и переправился через Березину» [Pajk 1865: 39].

После Березины Пайк, как и огромная часть выживших военнослужащих наполеоновской армии, оказался одним из бесчисленных одиночек, которому приходилось спасаться от голода, холода и убежать от напавших казаков. Ему пришла мысль найти соотечественника для того, чтобы была взаимная поддержка. Полдня он кричал: «”Ребята, я один – крайнец! У меня много хлеба для крайнцев!” И я так надрывался, что у меня охрипло горло, и не было ни одного уха, которое бы меня поняло» [Pajk 1865: 42]. Словенцев в России оказалось очень мало, и показательно, что Пайк всюду называет себя и сородичей прежде всего крайнцами, уроженцами Крайны, хотя говорит и о славянстве и славянских братьях.

«Мы все хотели добраться до Вильно. Там нам помогут, думали мы. А когда я добрался до Вильно, я еще не мог войти в город, там было очень много народу. Я пошёл вдоль забора из досок и через дыру пролез в город. Там я увидел французских офицеров, которые подбирали рассыпанные на земле зёрна и ели их сырыми. Поскольку я тоже был голоден, я начал жевать сырые зёрна, но не смог» [Pajk 1865: 45–46]. Пайк покинул Вильно и пошёл дальше на запад.

На пути отступления от Вильно наполеоновской армии более не существовало: «В этом большом скоплении людей не было видно ни одного военного, но можно было подумать, что здесь собрались грязные нищие со всего света» [Pajk 1865: 46].

Измученный голодом Пайк в одном из домов подслушал понятный им разговор двух поляков о кошке, с которой сняли шкуру. Он стал внимательно осматриваться и обнаружил тушку кошки, готовой к приготовлению. В течение шести дней Пайк питался этой сырой под-

гнившей кошкой, которую тщательно скрывал от окружающих: «Я боялся зажарить её и съесть. Ночью, когда мои товарищи улеглись у костра и задремали, я полез в карман и, так как ножа у меня не было, я крутил и крутил пальцами кусочек в кармане, пока не оторвал его. Вытаскивать даже кошку было бы опасно» [Pajk 1865: 47].

На подходе к Ковно он встретил сородича из Крайны; у него было немного муки, которой он поделился с Пайком и тем спас его от голода. Позже они потеряли друг друга из виду. Пайк сумел пересечь Неман и вступить на территорию Варшавского герцогства («прусская Литва»), однако, обессиленный, он уже оказался в потоке наступающих русских войск. С попутчиком Саксом был захвачен и избит казаками, привезён в русский лагерь и представлен офицеру, который говорил с Пайком по-немецки:

«"Вы француз", – говорит мне офицер. "Нет, сударь, – отвечаю я, – я иллириец, австриец. Мне пришлось прибыть в Россию силой". (...) Чтобы доказать ему, что я говорю правду, я показываю ему аттестат латинской школы [Любляны] и аттестат [школы] Ново Место. Ведь когда казаки обыскивали меня, они презрительно отбросили эту бумагу; но я нагнулся и снова поднял ее, и вот: я спасся из казачьего плена. Ибо господин осматривает моё свидетельство и спрашивает: "Откуда ты?". Я видел, что он испытывает меня, и твёрдо ответил: "Из Крайны!" Он возвращает мне свидетельство и говорит: "Идите, куда хотите, во имя Господа". Мы сердечно благодарим его и отправляемся дальше» [Pajk 1865: 52].

Однако силы окончательно их покинули, они решают остаться у местных литовских крестьян. Всюду их прогоняют, но в одном доме над ним сжалились. «И они не были бы людьми, если бы не пожалели людей в промокшей одежде, с лицами, покрытыми коростой, с выгоревшими волосами, тощими до костей, с обвисшей кожей, с обмороженными и покрытыми язвами ногами, какими были мы. Мы дали людям понять, что не можем сделать ни шагу и хотим остаться здесь. Хозяин дома позвал старосту деревни, который, к счастью, немного знал немецкий, чтобы мы могли рассказать о том, откуда мы родом и что не можем идти дальше из-за нашей слабости и болезней» [Pajk 1865: 53].

На второй день местный деревенский староста, получив указание от вышестоящего чиновника, сообщил, что Пайк и его товарищ являются военнопленными до тех пор, пока не будет заключен мир. Пайк в итоге попал к хозяину в деревне Шакен, в десяти часах езды от Тильзита. «Здесь, на ферме, я нашел хорошего хозяина и прослужил в качестве военнопленного 20 месяцев» [Pajk 1865: 54].

Его хозяин ранее служил чёрным гусаром в прусской армии, он знал немецкий и любил говорить с Пайком. Каждый вечер в его доме собиралось много людей, Пайк «должен был рассказывать по-немецки все свои происшествия и заключения в России, а хозяин переводил их

на литовский. Они очень охотно слушали меня. Они также спрашивали меня о моем доме, есть ли у меня отец, мать, братья, сестры. Я сказал им, что мой дом далеко-далеко, на нижнем море возле Турции» [Pajk 1865: 54].

Пайк «более или менее хорошо знал четыре основных европейских языка, то есть славянский в нескольких наречиях, французский, итальянский и немецкий». «Однако эти знания, – отмечал он, – не помогли мне в изучении литовского». Поэтому он довольно быстро при поддержке местных освоил и литовский язык. «Вскоре я настолько освоился, что мог разговаривать с мальчиками и девочками», – говорит он [Pajk 1865: 55]. С местными жителями у жизнерадостного Пайка установились сердечные отношения.

Империя Наполеона пала, и «ближе к осени 1814 года» Пайку пришлось разрешение местных властей на долгожданное возвращение на родину. В партии бывших пленных он едет через Бранденбург, Мариенбург, Гданьск, Берлин, Виттенберг, Лейпциг. Здесь, в Лейпциге, Пайк получил последние причитавшиеся ему как бывшему военнопленному деньги. Далее с одним возвращавшимся из плена хорватом он вступает на земли Австрийской империи: Кульм – Теплице – Прага. Здесь начинаются проблемы – деньги закончились, а местные австрийские чиновники сообщили, что им нечего дать «французским солдатам». В итоге в течение двадцати дней пути по Богемии, Штирии и вплоть до родных мест Пайку и его хорватскому товарищу по несчастью приходилось непрерывно просить милостыню и жить попрошайничеством.

Вечером 9 марта 1815 г. Пайк «вернулся домой, весь оборванный, усталый и голодный». Он сообщил о гибели в России брата Антона. «Соседи собрались вокруг меня и слушали мои рассказы о пережитых ужасных событиях, но больше всех меня расспрашивал опечаленный сосед Жупанчич, который потерял там двух своих сыновей, моих закадычных друзей. Мне пришлось дословно рассказать ему, как плохо им было и как я видел их в последний раз» [Pajk 1865: 61].

В итоге все трое, с которыми Андрей Пайк в 1811 г. прятался от призыва, погибли в России – брат Антон и два его друга Жупанчича. Иллирийский полк, в котором служил Пайк, на 1 июля 1812 г. насчитывал 65 офицеров и 2 505 нижних чинов; из России вернулись лишь одиночки, многие остались в плену. На февраль 1813 г. в России по неполным данным было зафиксировано 395 военнопленных Иллирийского полка [Хомченко 2023: 190, 199], и далеко не все из них дожили до освобождения. Из нескольких тысяч словенцев, мобилизованных Наполеоном для Русского похода, вернулось меньшинство, что стало страшной трагедией для словенского общества.

Вскоре по возвращении домой А. Пайк женился, открыл кабак, занялся пчеловодством и добился большого финансового успеха. У него родилось семеро детей. Поскольку Пайк на собственном горьком

опыте осознал важность образования, он отдал своих детей в трёх-классную школу. Знакомство на закате жизни с писателем Йосипом Юрчицем обеспечило ему билет в бессмертие. Скончался Андрей Пайк 8 декабря 1871 г. в возрасте 82 лет.

Наступала новая эпоха, всё большие массы словенского населения оказывались охваченными движением национального возрождения. В 1877 г. началась русско-турецкая война, словенская пресса внимательно следила за её ходом, сообщала о том, как относились к ней различные слои словенского общества. Писали о сочувствии русским со стороны не только интеллигенции, но крестьян, горняков, чернорабочих. Взятие русскими Плевны отмечалось словенскими патриотами как национальный праздник: в горах крестьянские парни жгли праздничные костры, в городах устраивали иллюминацию. «Русский в глазах нашего крестьянина, – писал корреспондент из Краса, – храбрый силач, которого никто не может победить» [Кирилина, Пилько, Чуркина 2011: 225].

Важно отметить, что первые массовые контакты между русскими и словенцами относятся именно к периоду 1799–1815 гг. Русская кампания 1812 г., несмотря на все её ужасы, способствовала коммуникации между словенцами и русскими, взаимному интересу, осознанию и распространению среди словенцев идей славянской общности, формированию образа России и русских. Немалую роль в этом сыграли рассказы вернувшихся из России ветеранов. Представители словенской интеллигенции горячо сочувствовали борьбе «московитаров» с наполеоновской империей в 1812–1813 гг. В целом, известно, что Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. вызвали широкий отклик у многочисленного славянского населения Австрийской империи [Михайловский–Данилевский 1832: 123–124; Крылова 1988].

Список источников и литературы

- Балканские исследования 1997** – Балканские исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. М. : Наука, 1997. 266 с.
- Березин 1879** – Березин Л. В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т. 1. Хорватия и Славония (С приложением карты юго-славянских провинций Австро-Венгрии). СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1879. XI с., VIII с., 520 с.; Т. 2. Далмация. Военная граница. Общая этнография всех четырех юго-славянских провинций Австро-Венгрии. СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1879. VIII с., 590 с.
- Броневский 1828** – Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году. Ч. 1. СПб. : [Издание А. С. Ширяева], 1828. VI с., 348 с.
- Внешняя политика России 1962** – Внешняя политика России XIX – нач. XX. : сб. док-тов. Сер. 1. Т. 6 (1811–1812). М. : Госполитиздат, 1962. 866 с.

- Де ла Флиз 1912** – Де-ла-Флиз Д. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М. : Московское книгоиздательское товарищество «Образование», [1912]. 145 с., 7 л. ил.
- Достян 1972** – Достян И. С. Россия и балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М. : Наука, 1972. 368 с.
- Искюль 2007** – Искюль С. Н. Внешняя политика России и германские государства, (1801–1812) / Российская академия наук, Санкт-Петербургский институт истории. СПб. : Издательство «Индрик», 2007. 390 с. EDN QPGOSP.
- История культур 2005** – История культур славянских народов : в 3-х т. Т. 2: От барокко к модерну. / отв. ред. Г. П. Мельников. М. : ГАСК, 2005. 586 с.
- История литератур 1997** – История литератур западных и южных славян. Т. II: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века / под ред. Л. Н. Будагова, Р. Ф. Дорониной, В. В. Молчанова, С. В. Никольского. М. : Издательство «Индрик», 1997. 672 с.
- Казаков 1962** – Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год: К столетию Отечественной войны : сб. статей. М. : Издательство АН СССР, 1962. С. 47–64.
- Кирилина, Пилько, Чуркина 2011** – Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб. : Издательство «Алетейя», 2011. 480 с. EDN SDSNUR.
- Крылова 1988** – Крылова Н. Б. Отклики на Отечественную войну 1812 г. в западноукраинских землях Австрийской империи // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М. : Наука, 1988. С. 171–186.
- Крылова 2002** – Крылова Н. Б. Русско-австрийские отношения накануне и в начале Отечественной войны 1812 г., 1810 – июль 1812 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2002. 259 с. EDN QDTJRF.
- Кулаковский 1894** – Кулаковский П. Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1894. 516 с.
- Мельников 1872** – Мельников Г. В. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море с эскадрой под начальством вице-адмирала Сенявина состоявшею. Ч. 1–3. СПб. : Типография Морского министерства, 1872.
- Михайловский-Данилевский 1832** – Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 годов. СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1832. 370 с.
- Орлов 2005** – Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в годы наполеоновских войн. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 366 с.
- Освободительные движения народов 1980** – Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М.: Наука, 1980. 610 с.
- Отечественная война 2004** – Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2004. 880 с.

- Отечественная война 2012** – Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Т. 1 : энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2012. 713 с.
- Панафиндин 1916** – Панафиндин П. И. Письма Морского офицера (1806–1809). Петроград : Типография Морского Министерства, 1916. 128 с.
- Первое сербское восстание 1980** – Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Книга первая. 1804–1807. М. : Наука, 1980. 480 с.
- Первое сербское восстание 1983** – Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Книга вторая. 1808–1813 гг. М. : Наука, 1983. 398 с.
- Попов 1892–1893** – Славянская заря в 1812 году. (Из бумаг Александра Николаевича Попова, † 1877 г.) // Русская старина. 1892. № 12. С. 617–642; Русская старина. 1893. № 1. С. 87–120.
- Попов 2017** – Попов А. И. «Братья-славяне»: балканские полки Великой армии в русском походе 1812 г // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3-2. С. 318–326. EDN TIPDQD.
- Рогинский 1978** – Рогинский В. В. Швеция и Россия. Союз 1812 года / отв. ред. А. С. Кан. М. : Издательство «Наука», 1978. 172 с. EDN SFGBBN.
- Рогинский 2002** – Рогинский В. В. Международные отношения на Севере Европы в конце наполеоновских войн, 1807–1815 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. М., 2002. 463 с. EDN QDRXGJ.
- Рогинский 2012** – Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию: международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн, 1805–1815 / Институт всеобщей истории РАН, Международная ассоциация «Янтарный мост». М. : Весь Мир, 2012. 516 с. EDN QPXXGBX.
- Российская империя и монархия Габсбургов 2014** – Российская империя и монархия Габсбургов в Наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии / под ред. О. В. Хавановой, А. Шереша, Л. К. Кокуниной. СПб. : Нестор-История, 2014. 252 с.
- Россия и Балканы 1995** – Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 312 с.
- Русско-словенские отношения 2010** – Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) = Rusko-slovenski odnosi v dokumentih (12. stol. – 1914). М. : Издательство «Древлехранилище», 2010. 654 с.
- Свиньин 1818–1819** – Свиньин П. П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 1–3. СПб : Типография В. Плавильщикова, 1818–1819.
- Симонич 1967** – Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. М. : Наука, 1967. 176 с.
- Slovenica I 2011** – Slovenica I: История и перспективы российско-словенских отношений / гл. ред. К. В. Никифоров ; отв. ред. И. В. Чуркина. СПб. : Алетей, 2011. 256 с.
- Соколов 1999** – Соколов О. Армия Наполеона. СПб. : Империя, 1999. 585 с.
- Соколов 2012** – Соколов О. Битва двух империй. 1805–1812. М. : Астрель; СПб. : Астрель-СПб, 2012. 730 с.
- Старков 1844** – [Старков Я. И.] Поход в Италию в 1799 году. Рассказ старика суворовского ратника // Москвитянин. 1844. № 1. С. 125–140; № 6. С. 256–274; № 7. 33–47.
- Старков 1847** – [Старков Я. И.] Рассказы старого воина о Суворове. М. : Университетская типография, 1847. 482 с.

- Тарле. Континентальная блокада 1958** – Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 3. М. : Издательство АН СССР, 1958. С. 9–654.
- Тарле. Экономическая жизнь королевства Италии** – Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 4. М. : Издательство АН СССР, 1958. С. 11–312.
- Тарле 1956** – Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М. : Воениздат, 1956. 460 с.
- Федосова 1980** – Федосова Е. И. Польский вопрос в период первой Империи во Франции. М. : Издательство Московского университета, 1980. 205 с.
- Хомченко 2023** – Хомченко С. Н. Великая армия 1812 года в русском плену // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. XX. М. : Кучково поле, 2023. С. 187–210.
- Чиняков 2015** – Чиняков М. К. Далматинская кампания (1806–1807) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. XIII. М. : Кучково поле, 2015. С. 27–62.
- Чичагов 2023** – Чичагов П. В. Записки. М. : Кучково поле, 2023. 688 с.
- Чуркина 1978** – Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия / Академия наук СССР; Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М. : Наука, 1978. 392 с. EDN PZCKVP.
- Чуркина 1986** – Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М. : Наука, 1986. 224 с.
- Чуркина 1999** – Чуркина И. В. Роль церкви в формировании национального самосознания словенского народа // Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И. В. Чуркиной. М., 1999. С. 12–53.
- Чуркина 2016** – Чуркина И. В. Роль русофильства в формировании национального самосознания словенцев // Славяноведение. 2016. № 5. С. 5–17. EDN WMZTFB.
- Чуркина 2017** – Чуркина И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. / Институт славяноведения РАН. М. : Институт славяноведения РАН, 2017. 576 с. EDN YVWZTF.
- Шапиро 1958** – Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М. : Воениздат, 1958. 373 с.
- Щербатов 1890–1891** – Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб. : Типография Р. Голике, 1890–1891. Т. 2–3.
- Ягич 1885** – Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1885. 869 с.
- Ягич 1897** – Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1897. 1046 с.
- Ягич 1910** – Ягич И. В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Вып. 1 / под ред. орд. акад. И. В. Ягича. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1910. 961 с.
- Ворпе 1900** – Vorpe P. La Croatie militaire (1809–1813). Les regiments croates a la Grande-Armée. Paris ; Nancy : Berger-Levrault et Cie, 1900. 267 p.
- Brnardič, Pavlovič 2004** – Brnardic V., Pavlovic D. Napoleon's Balkan Troops // Mens-at-Arms. 2004. No. 410.

- Bundy 1966** – Bundy F. J. The administration of the Illyrian provinces of the French Empire, 1809–1813. A Thesis. University of Omaha, 1966. URL: <https://core.ac.uk/download/232765043.pdf> (mode of access: 24.11.2025).
- Carte des Provinces Illyriennes URL** – Carte des Provinces Illyriennes. Trieste, 1812 URL: <https://digitalna.nsk.hr/?pr=i&id=11094> (mode of access: 24.11.2025).
- Despalatović 2009** – Despalatović E. Village Education in Croatia-Slavonia, 1900–1914 // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu : Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 2009. Vol. 41, no. 1.
- Fouché 1824** – Fouché J. Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. Vol. 2. Paris : Le Rouge, Libraire, 1824. 384 p.
- Frasca 2009** – Frasca F. Les Italiens dans l'armée Française, recrutement et incorporation (1796–1814). Lulu Press, Inc., 2009. 223 p.
- Girardin 1840** – Girardin S.-M. De l'instruction intermédiaire et de son état dans le midi de l'Allemagne. Paris : Levraut, 1840. 416 p.
- Hostnik 1889** – Hostnik M. Faktična opomnja. (Iz Rusije.) // Slovanski Svet. 10 Marca. 1889. Str. 80–81.
- Jurčić 1884** – Jurčić J. Josipa Jurčića zbrani spisi: Pripovedni spisi. Zv. II. Ljubljana : Narodna tiskarna, 1884. Str. 205–294.
- Jurčić, Pajk 2002** – Jurčić J., Pajk A. Spomini starega Slovenca. Ljubljana : DZS, 2002. 111 Str.
- Les Provinces illyriennes URL** – Les Provinces illyriennes (1809–1813). URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/archives-diplomatiques/offre-culturelle/expositions/expositions-dossiers-en-ligne/les-provinces-illyriennes-1809-1813/article/les-provinces-illyriennes-1809-1813> (mode of access: 24.11.2025).
- Les Provinces illyriennes 2015** – Les Provinces illyriennes dans l'Europe napoléonienne (1809–1813) / sous la dir. De J.-O. Boudon. Paris : Éditions SPM, 2015. 252 p.
- Levec 1884** – Levec Fr. Pripomenek // Jurčić J. Josipa Jurčića zbrani spisi: Pripovedni spisi. Zv. II. Ljubljana : Narodna tiskarna, 1884. Str. 294–295.
- Marmont 1857** – Marmont A.-Ph.-L. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1841. Vol. 3. Paris : Perrotin, 1857. 466 p.
- Montigny 1833** – Montigny L. G. Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée. Paris : Libraire de Charles Gosselin, 1833. 384 p.
- Notice sur la Croatie 1848** – Notice sur la Croatie militaire et sur les autres provinces Illyriennes, sous l'Empire de Napoléon, par M. le chevalier Marchal. S. 1., 1848. 20 p.
- Pisani 1893** – Pisani P. La Dalmatie de 1797 à 1815. Episode des conquêtes napoléoniennes. Paris: A. Picard et fils, 1893. 527 p.
- Pivec-Stelè 1930** – Pivec-Stelè M. La vie économique des provinces illyriennes (1809–1813). Paris : Bossard, 1930. 359 p., LXXII p.
- Pajk 1865** – Pajk A. Spomini starega Slovenca ali Čertice iz mojega življenja // Slovenske večernice za poduk in kratek čas. 1865. No. 12. Str. 3–64.
- Pajk 2008** – Pajk A. Souvenirs du vieux Slovène. En Russie avec la Grande Armée. Paris : Éditions SPM, 2008. 146 p.
- Zemljevid Ilirskih provinc 2012** – Zemljevid Ilirskih provinc iz leta 1812 = Carte des Provinces illyriennes de 1812 / Primož Gašperič, Milan Orožen Adamič,

Janez Šumrada ; [prevedla Florence Gacoin Marks]. Ljubljana : Založba ZRC, 2012. 116 p.

Zora Dalmatinska 1845 – Zora Dalmatinska. 29 Rujna. 1845. Str. 308–310; Zora Dalmatinska. 6 Listopada. 1845. Str. 313–316.